

Алёна Годунова

Дневник Блокады

Алёна Владимировна Годунова

Дневник Блокады

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39425808

ISBN 9785449377333

Аннотация

Книга состоит из воспоминаний людей, которые пережили Блокаду Ленинграда еще детьми. Правдивые истории о том, как это было, помогут нам окунуться в жизнь без еды, тепла и почти без надежды. Чтобы больше никогда этого не повторить.

Содержание

Часть 1. Начало	6
Часть 2. Блокада. Когда худшее ещё впереди	10
Часть 3. Кольцо замкнулось. Обстрелы	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Дневник Блокады

Алёна Владимировна Годунова

© Алёна Владимировна Годунова, 2018

ISBN 978-5-4493-7733-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Чтобы перейти Неву по мосту, нужно было далеко обходить. Сил не хватало. Поэтому шли так, прямо по замерзшей реке. Я шагала за мамой следом, не отставая. Нужно было внимательно смотреть под ноги, чтобы случайно не наступить на чью-нибудь руку, ногу или голову. Слишком много трупов лежало на замерзшей Неве той зимой...»

872 дня жизни за пределом возможного. По разным подсчетам погибло от 600 000 до 1 500 000 человек. Из них 97% – от голода.

Это статистика. Цифры. Ничего личного. Длина экватора – 40 075 км. Расстояние от Земли до Солнца – 150 000 000 км. Во время Блокады в Ленинграде погибло от 600 000 до 1 500 000 человек. Если не задумываться, раз-

ница незначительная. Только для кого-то эти тысячи и миллионы – родители, братья, сестры, одноклассники, соседи, учителя и друзья. Для них это не цифры. Это память, которую невозможно вычеркнуть из головы, выжечь из сердца. Или удалить, как мы удаляем из телефона номера людей, с которыми больше не общаемся.

В прошлом году внучка Эльзы Витальевны принесла из садика поделку из хлеба. На следующий же день блокадница пришла к учительнице, чтобы выразить свое негодование.

– А что такого? – удивилась та. – Просто немного сухого хлеба. Его всё равно уже есть никто не будет.

– Это ведь ХЛЕБ!

У нас другое восприятие простых вещей, другие ценности. Дай Бог, чтобы никому и никогда больше не пришлось пережить того, что было в Ленинграде в 1941—1944 годах. Но помнить... знать и помнить мы обязаны.

Часть 1. Начало

Зоя Георгиевна

Это было воскресенье. Мы всегда по воскресеньям ходили в кино. С младшей сестрой и друзьями по двору.

Утром во время завтрака отец сказал маме:

«Стрелял Кронштадт в 4 часа».

«Может быть, манёвры?»

«Не похоже», – папа воевал, он знал, о чем говорит.

На первый сеанс в кино мы опоздали. Пришлось ждать на улице следующий. Это было возле Балтийского вокзала. Вдруг заговорило радио. Трамваи и машины остановились. Все выскочили – и куда-то побежали. И мы побежали следом за ними. И слышали: война.

Но мы были в таком возрасте, когда ещё не понимали значение этого слова. Подростки! Мы посмотрели фильм «Карандаш». Посмеялись. Это комедия про популярного в те времена клоуна. Потом пошли на вокзал. 24 июня мы собирались ехать с подружкой к ее бабушке в Кингисепп. Спросили, дают ли туда билеты. В кассе ответили, что дают. Мы счастливые возвращаемся домой, а папа говорит:

«Всё, не едем».

«Как не едем!? Билеты дают. Мы узнавали!»

Он говорит: «Туда дают. А обратно?»

Поплакала – и всё. Это первый день.

Эльза Витальевна

Мы только приехали в Ленинград в 1939 году. А в 1941 уже началось всё это. И куда нам деваться? Ни родственников, никого... Васильевский остров. 12 линия. Затем Озерки, улица Фёдоровская, 1. Первая же бомба в нас влетела.

Папа пошёл ополченцем на фронт. Это было в первых числах августа. А 8 августа он уже погиб. До Карелии дошёл – и всё.

Я только помню, как он взял меня на руки. А я в красивом пышном платье с широкой атласной лентой на поясе. Он поставил меня на табурет у окна, завязал ленту и поцеловал. А потом ушёл и больше никогда не вернулся.

Ирина Александровна

Когда мама и папа поженились, им так хорошо было! У них был свой дом в Царском Селе. Там такой красивый парк! Мама рассказывала, у них была собака, овчарка. Когда я только родилась, мама вывозила меня в коляске в парк. Я сплю – собака сторожит мой сон. Если я проснусь и начну плакать, она меня укачивает. А уж если сильно расплачусь – подаёт голос – и прибегает мама.

Однажды, когда мне было 2 годика, бабушка, мамина свекровь, сказала: «Анечка, поезжай на рынок». И дала список всего, что нужно купить.

Мы поехали с мамой в Пушкин. Прогулялись по рынку. И вдруг – сирена, тревога. Нас солдат подхватил – и в машину – и в Ленинград. И всё.

Эдуард Николаевич

Комната метров 20—25. Сначала было небольшое чаепитие. Потом – музыка, танцы. Мне лет 5—6. Помню, стоял на стуле, передо мной – патефон. Я накручивал ручку и ставил пластинки. Я ещё читать не умел – все пластинки знал по картинкам.

«Эдик, „Брызги шампанского“!» – Я быстренько по картинке ищу – 2 слова. Оно!

И все эти ритмы, мелодии – всё откладывалось у меня в голове.

В 1941 году в начале июня мы поехали к родственникам мамы в Новосokolьники. Это в 150—180 км от Витебска. Представьте себе картину: папа – высокий мужчина в светлом костюме стального цвета, с патефоном в руках, пластинками. Тогда это было примерно так же, как если бы сейчас мы брали с собой в дорогу ноутбук.

И вдруг через какое-то время – война. Началась паника. Кто-то где-то видел немецких парашютистов. Где-то каких-то десантников поймали.

Нам нужно было срочно возвращаться в Ленинград. А начался ажиотаж, билеты не достать. Народ хлынул убегать от туда. Билеты – по спискам. Нужно было ждать, отмечаться в очереди.

И вот, папа возвращается с вокзала. Смотрит – женщины копают окопы. Копают прямолинейно. Он сделал замечание: «Что ж вы копаете? Разве так копают? Упадёт снаряд или бомба – и всех в окопах этих уничтожит».

Одна женщина побежала в милицию и сказала, что там ходит диверсант и создаёт панику. Ей говорят: «Следи дальше».

Папа тем временем пришёл домой, к маминой сестре. Тётя Таня говорит:

«Николай, у тебя зубы хорошие?»

«Да».

«Надо пожевать горох и покормить этой жвачкой утят и гусят».

Папа сидит, пожёвывает горох. И та женщина, что следила за ним, решила, что он рвёт письма и пережёвывает их.

Ночью подкатывает машина. Папу забирают. Мама бежит следом: «Что вы!?! Я такая-то, отсюда родом, это мой муж!»

А ей отвечают:

«Вон отсюда, немецкая проститутка!»

Ближайшие 2—3 месяца мы папу больше не видели.

Как-то достали билеты. Помню, пригородный поезд, сидячий вагон. Между лавочками чемоданы, мешки. Вот, на этих чемоданах мы и сидели, и лежали. В общем, приехали в Ленинград.

Часть 2. Блокада. Когда худшее ещё впереди

Зоя Георгиевна

3 июля Сталин выступил по радио и призвал народ на защиту Родины. Отец у меня был большевиком. На следующий день он пошел на работу – и с работы уже не вернулся.

Мы гуляли во дворе, когда явилась женщина с письмом. Папа просил, чтобы мама сегодня же пришла. Мы приехали. Это была какая-то школа. Они – за забором. Мама спрашивает: «О чем ты думал?»

Папе было 47 лет. Он ей говорит:

«А о чем эти думали!?! – И указывает на мальчишек вокруг. – Я знаю, что такое война, и что такое фронт».

Папа был во 2 добровольческой дивизии Московского района. Позже он написал два письма. Первое – о том, как прибыли на фронт. Во втором обращался ко мне: он находился в тех местах, куда я хотела ехать отдыхать – в деревне за Кингиссепом. Там речка, и можно было купаться.

Оба письма отец писал чернилами. А потом долго долгое молчание – и вдруг пришла открытка. Он писал уже карандашом, ни «здрасьте», ни «до свидания»: «Находимся в окружении. Нас бомбят. Прощайте. 1 августа 1941 года».

Извещение пришло только 30 сентября.

Позже к маме заглянул папин друг. Он рассказал, что дивизия вышла из окружения с боем. Папа был ранен, но не смертельно. Осколочное ранение, очень много ран. Поблизости не было воинской части, чтобы оказать медицинскую помощь. Папа умер от потери крови. Он не мучился. Просто уснул...

Эдуард Николаевич

В начале Блокады, когда кольцо ещё не замкнулось, для экономии продуктов было принято решение сократить количество жителей города. Остаться должны были только те, кто мог работать. А стариков и детей, чтобы они не были лишней обузой, решили эвакуировать. Тогда говорили, что Бадаевские склады обеспечат жителей продуктами не на один год. Конечно, это было преувеличение. Но уже всё равно.

Однажды к нам пришла соседка, тетя Катя, у нее дочка – Надя, на год старше меня. Пришла и говорит маме:

«Мария, детей будут эвакуировать. Моя сестра едет с девочками (у нее 2 дочки). И Надя с ними поедет. Собери и ты Эдика».

Тогда думали, что дети поедут недели на 3—4, как в пионерский лагерь.

Мама собрала мне узелочек. Маечки подписала: «Э.П.» – Эдуард Павлов. И я должен был уехать с ними. Но, видимо, ангел-хранитель отвёл от этой поездки. Может, даже не для меня, а для мамы. Без меня ей пришлось бы заниматься тя-

желым трудом – на торфо- или лесозаготовках.

Мы сели в трамвай и поехали на вокзал. Проехали несколько остановок по Большому проспекту. И – воздушная тревога. Нас всех высаживают из трамвая и ведут в бомбоубежище. Просидели мы там минут 30—40. Потом снова садимся в трамвай. Приезжаем мы на Московский вокзал. Приходим на платформу. А платформа пустая. Поезд ушёл.

Мама тогда сказала: «Значит, судьба. Останемся живы – вместе. Если погибнем – тоже вместе».

Зоя Георгиевна

Как мы организовывались, я даже и не знаю. Всё спонтанно вышло. Мальчишки крутили сирену. Кроме радио была ещё и сирена во дворах. Дежурили у телефона. Распределяли места, кто на каком чердаке стоит. У меня было два дома – четырехэтажный и пятиэтажный. Помогали готовиться к бомбежкам. Убирали на чердаках, белили известкой деревянные перекрытия крыш. Таскали песок, засыпали им пол. Воду носили.

Мы прошли курсы, как тушить зажигательные бомбы, как оказывать первую медицинскую помощь: бинтовать раны, накладывать шины. И, наконец, я была химразведчицей. Меня одевали в специальный костюм, и я ходила со щупом, искала капельки иприта.

Эдуард Николаевич

От папы не было ни слуху, ни духу. Он вернулся только

в конце августа, перед тем самым моментом, когда замкнулось кольцо вокруг Ленинграда. Приехал угнетенный, но ничего не рассказывал.

Началась наша блокадная жизнь. Папа и мама ходили на работу. Я в первое время – в детский садик. Там нас кормили утром и днем. А на вечер выдавали грамм 50 хлеба. Я приходил домой – папа с мамой садятся кушать. А я сижу, смотрю на них. Какие родители могут спокойно кушать при голодном ребенке? Естественно, старались чем-то накормить.

Соседка как-то вспоминала: «Иду мимо детсада, смотрю – ты сидишь – голодный и скучный».

Мне было 7 лет.

Ирина Александровна

Мы приехали к родственникам на Чайковского, 56. Там и жили во время Блокады. Там была большая коммунальная квартира. 18 соседей. Правда, многие сразу поехали. И мы остались одни – я и мой двоюродный братик Вова, моя и его мамы. Они были сестры. Карточек тогда ещё не было. Мамы бегали на Васильевский остров, в госпиталь. Мыли там посуду после раненых, а воду с остатками еды сливали, и мы это кушали.

Зоя Георгиевна

Мы с мамой шли на работу. Стоит женщина, продает землю. С Бадаевских складов. «Покупайте, – говорит. – Это

сладкая земля, сладкая!»

Мама не удержалась и купила. Развела в воде. Отстоялась эта земля. А воду выпила. Была она сладенькая или нет – я и не знаю.

Эдуард Николаевич

Был мощный воздушный налет. Начались пожары. Горели Бадаевские склады. Сахар, который там хранился, плавился, вытекал и впитывался в землю. Люди потом ходили, эту землю раскапывали, кипятили. Осадок выбрасывали и использовали сладкую водичку.

Зоя Георгиевна

8 сентября была страшная бомбежка. Самолетов очень много налетело. Ко мне на крышу пришел дворник. Долго смотрел в подзорную трубу, как Бадаевские склады горят. Я руку протягиваю за трубой – тоже хочу посмотреть.

И в этот момент вижу: летит самолет. Так хорошо его видно! Видно, как от него отделяется фигурка. Я ещё спрашиваю: «О чем он думает? Зачем прыгает в город?»

Оказалось, это торпеда. И туда же – в тот же пожар. Долго потом ещё дымило. Так началась Блокада.

Часть 3. Кольцо замкнулось. Обстрелы

Зоя Георгиевна

За ночь было по 2—3 тревоги. Мама не пускает меня. Хватает за руки. Я вырываюсь: «Я должна!»

А как одной идти на этот темный чердак, когда ещё и стреляют? Сказать, что не страшно? Не могу.

Заходила туда я ещё спокойно. Но когда слышишь, как бомбы летят и при этом сверкают, хочется сбежать, спрятаться, забиться в какую-то щёлочку. Оно угнетает. Прижимает. Так гнёшься, гнёшься, гнёшься...

Осколки сыплются. Но темно, ничего не видно.

Потом смотрю – зарево. Как салют – такой шар большой. Значит, выстрел попал в аэростат. Так я поняла.

Увидела, самолет летит. Из-под правого крыла пламя. Он перелетел за черту города, над Варшавским вокзалом – и километрах в четырёх от ворот упал.

Тревога закончилась. Вижу – осколки горят. Схватила. И пальцы прилипли. Я реву! Мама спрашивает: «Что случилось?»

Я говорю: «Хотела осколок взять, тебе показать».

Ну, кто знал, что они горячие? Глупая ещё была.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.